

Нѣсколько словъ объ общемъ церковномъ пѣніи.

Тогда и теперь.

И даждь намъ *единъми усты* и единѣмъ сердцемъ славити и *воспѣвати* пречестное и великолѣпное имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, „нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“—и народъ, повинуюсь призыву священника, отвѣчалъ—„аминь“, воспѣвая такимъ образомъ имя Бога Отца въ Троицѣ славимаго единѣми усты.—„Рцемъ *вси* отъ всея души“... призывалъ діаконъ, и народъ также повиновался призыву діакона и отвѣчалъ—„Господи, помилуй“.—„И сподоби насъ Владыко... призывати Тебе небеснаго Бога Отца, и глаголати“—и, говорится въ служебникѣ, „*людіе*: Отче нашъ“—Такъ было въ первые вѣка христіанства—объ этомъ говоритъ исторія древней христіанской церкви и самый чинъ нашихъ божественныхъ службъ.

Въ настоящее время наша служба далеко ушла отъ древне-христіанской, но, увы, не къ красотѣ, а отъ красоты. Теперь, не рѣдко можно встрѣтить правящимъ и поющимъ службу одного безголосаго псаломщика.—Отчего же народъ пересталъ славить и воспѣвать имя Бога *единъми усты*?—Отвѣтъ ясный и простой.—Все дѣло заключается въ томъ, что человекъ пересталъ теперь любить легко воспринимаемое унисонное пѣніе. Войдите въ деревенскую церковь и послушайте, какъ какой-либо любитель церковнаго пѣнія

помогаетъ псаломщику, и вы никогда не встрѣтите, чтобы онъ стремился къ унисону—онъ непременно будетъ искать другую ноту, чтобы устроить аккордъ, не смотря на то, что его никто не училъ аккордному пѣнію. Очевидно, сама природа удалила нынѣшняго человѣка отъ унисона. Такое перерожденіе человѣка зависѣло отъ того, что въ обыкновенной жизни онъ лишился возможности слышать унисонное пѣніе: запоютъ ли гдѣ народныя пѣсни, онъ всегда слышитъ и подголоски, и вторы, и т. п., и его ухо невольно привыкаетъ къ новому пѣнію, а когда онъ приходитъ въ церковь, то и здѣсь желаетъ найти тоже самое.

Это мы сказали о деревнѣ, гдѣ еще нѣтъ ни музыкальнаго образованія, ни воспитанія, гдѣ человѣкъ можетъ идти свободнымъ, вольнымъ путемъ въ этой области. Если же говорить о городѣ, то здѣсь уже полнѣйшая итальянщина со всѣми витіеватыми услажденіями грѣшнаго уха—это вы встрѣтите и въ семьѣ, и въ школѣ, и въ театрѣ, и тѣмъ болѣе на концертахъ. Отсюда, конечно, понятно, что въ городахъ быстро завоевали себѣ мѣсто церковные хоры, которые волей неволей должны были пойти на уступку времени и унисонное пѣніе такимъ образомъ было забыто. Но нынѣшніе радѣтели красоты православной службы все-таки стремятся приблизить своимъ сходствомъ православное богослуженіе къ древне-христіанской службѣ и ради этого призываютъ всѣхъ трудящихся на нивѣ Божіей устраивать общее пѣніе. Безспорно, что общее пѣніе было бы большимъ достояніемъ нашего богослуженія, но вся бѣда, какъ сказали, въ томъ, что народъ теперь далеко ушелъ отъ унисоннаго пѣнія, а унисонное пѣніе по своей легкости воспріятія никогда не требовало особыхъ руководителей. Стоило только затянуть (начать) кому-либо, и всѣ покорно шли за его голосомъ. Кромѣ того при унисонномъ пѣніи руководителю не нужно было знать теорій музыки, такъ какъ подобное пѣніе легко воспринимается во всѣхъ тонахъ. Напримѣръ—пѣли вы, положимъ, эктению однимъ тономъ и начинаете потомъ пѣть „Слава... Единородный“ другимъ, но совсѣмъ не производнымъ (не переходящимъ). Это не принесетъ при унисонномъ пѣніи никакого ущерба, всѣ будутъ пѣть. Но разъ народъ бросается

въ аккорды, то тутъ необходимъ руководитель не столько съ голосомъ, сколько съ знаніемъ хотя бы элементарныхъ началъ теоріи музыки. Испытавши нѣсколько разъ на опытѣ введеніе общаго пѣнія, мы пришли къ глубокому убѣжденію, что человѣческое ухо отъ природы имѣетъ свои музыкальныя привычки и требованія. Такъ напримѣръ, если вы будете вести общее пѣніе въ производныхъ тонахъ, оно будетъ восприниматься народомъ легко; но чуть какой-либо неладный возгласъ священника или діакона, произойдетъ невольное замѣшательство и всѣ разъединятся. Немыслимо, напримѣръ, чтобы народъ пѣлъ „милость мира“ соль мажоръ, а священникъ произносилъ возгласы въ ля,—тогда непременно нѣсколько человѣкъ безсознательно будутъ гнаться за священникомъ и значить удержать общее пѣніе въ стройности будетъ невозможно. Каждый регентъ хора скажетъ, что для него нѣтъ хуже мученія, какъ выдерживать въ стройности свой хоръ при служеніи съ неразвитымъ слухомъ священника или діакона. Но вѣдь регентъ руководитъ уже довольно развитыми и умѣлыми пѣвцами,—какъ же можетъ тогда итти хорошо общенародное пѣніе при такихъ обстоятельствахъ, гдѣ членами этого пѣнія являются случайные пѣвцы. Вы видите теперь, что если роль священника и діакона имѣетъ громадное значеніе при общемъ пѣніи, то тѣмъ болѣе нужно быть требовательнымъ къ псаломщику, который есть ближайшій руководитель общенароднаго пѣнія. Вообще общее пѣніе можетъ пойти легко и стройно только тогда, когда прежде всего при народѣ будетъ находиться такой руководитель, который хоть нѣсколько знаетъ бы теорію музыки.

На приготовленіе такихъ-то руководителей должно быть сосредоточено вниманіе нашихъ церковно-приходскихъ второклассныхъ школъ и духовно-учебныхъ заведеній.

Свящ. К. Бѣляевъ.